

в которых жили вместе со своими шоферами и курочками.

Такой, совершенно необычных очертаний трехэтажный замок, а скорее солидный финский домик с башенками, балконами и верандами застекленными, вырос после заката советской власти и «на горке». Водопровод и газоснабжение в Деревне присутствуют. В огромном забетонированном подвале располагались генератор для автономного электропитания на случай отключения, пульт для регулировки отопительной системы, складские помещения и холодильная камера почти промышленных объемов. На участке также стояли гостевой домик на три спальни, баня, в которой тоже можно было не худо целой семье прожить, и избушка для сторожа. Гараж на две машины примыкал к непосредственно к главному дому.

Пока это чудо архитектуры строилось, некоторым жителям Деревни удалось неплохо подзаработать: и плотниками, и бетонщиками, и землекопами, и сторожами устраивались они на объект. Нового хозяина домика-пряника в Деревне видели всего несколько раз за три года, что велось строительство. А потом вдруг все как-то внезапно умерло, и даже разговоры про этот удивительный для Деревни проект сошли на нет: будто и не было ничего. В девяностые годы случалось так: и проекты многие незаметно умирали, и люди непонятно куда и как пропадали, будто и не было их.

Прошли и год, и два, и три. Стала уже уверенно зарастать вишняком и кустарником площадка на горке. Так бы и канул в небытие этот новый недостроенный деревянный замок вместе с дворовыми постройками, если бы не бдительные работники районного БТИ: выяснили они, что участок этот замечательный с некоторых пор стал принадлежать уважаемому господину Зеленцову Адольфу Николаевичу, банкиру, бизнесмену, а в недавнем прошлом еще и депутату законодательного собрания области. В общем, статус у него был так высок, что и губернатор не каждый день решался его беспокоить – что уж говорить про районное начальство. Стопроцентный олигарх, если под этим термином понимать сращивание власти и капитала. А вот девочки из сельского БТИ по простоте душевной могут и президенту Путину письмо написать, и у Господа Бога что-то уж совсем простенькое попросить, стоя на молитве в храме.

Инспектор районного БТИ, некая Елена Николаевна, подключив все свои связи и возможности, добралась до легендарного и загадочного Адольфа Николаевича и расписала ему со всею настой-

чивостью необходимость приехать в район и лично убедиться в существовании у него уникальной недвижимости в виде шикарного замка на горе. Невероятно, но Зеленцов согласился приехать на обследование своего собственного объекта, о существовании которого до того момента и не подозревал. Так же как он не знал и того, сколько у него бензоколонок в США и Чехии и какие кирпичные заводы принадлежат ему в Саратовской или Челябинской области. Такие семечки он не мог держать в памяти. Он рулил совсем другими по масштабам проектами, но рассказ о замке на берегу реки его заинтересовал.

Олигарх Адольф Николаевич был карикатурно выразителен внешне: и крупен, и кудряв, и энергичен. Он приехал на трех машинах, предварительно выяснив, что этот клочок земли в пару гектаров за околицей деревни и на берегу реки вместе с недостроенным коттеджем достался ему после раздела какой-то обанкротившейся фирмы, учредителем которой он был с самых что ни на есть незапамятных времен. С районным начальством общаться он побрезговал, но своих помощников за Еленой Николаевной в район послал.

Приехали с ним для осмотра объекта и охранники, и бухгалтеры, и землемеры, и архитекторы – а впрочем, точно никто и не знает, зачем такие компании собираются для незначительных и, в принципе, не деловых поездок. Может, планировали шашлыков на природе поесть или в бане попариться, но не получилось – не понравился олигарху домик-пряник на берегу реки. Река понравилась, заречные лесные дали понравились, лиственницы столетние понравились, а коттедж не понравился: что же это – даже бассейна нет. Он недолго раздумывал, а позвал к себе своих помощников Егора Тимофеевича и Анну Евлампиевну.

– Друзья мои, – заявил он, – я все решил! Этот сарай и этот участок надо привести в божеский вид: без фанатизма, но и чтобы не стыдно было за фамилию Зеленцов. Наймите бригаду хорошую, и чтобы через месяц все было аккуратно и добротно сделано. Кусты выдрать, планировку под английский газон, травкой все засеять, дорожки проложить, обстановку купить, помещения в жилой вид привести. В гостевой домик поселите сторожа, какого-нибудь отставного майора, но чтобы он был еще и садовником, и электриком, и сантехником, и шофером. В общем – понимаете. Ты, Егор Тимофеевич, займешься этим. Объясняя: я хочу подарить этот домик с участком художнику Парахину Сергею Ивановичу. Помните та-

И вот только тогда, вполне рассудочным образом, Парахин решил, что надо несколько изменить свой образ жизни, чтобы не потерять сына, которому нормальный отец-мужчина в жизни нужен; он знал по собственному опыту, что такое безотцовщина, и делиться этим опытом ни с кем не хотел.

лантливой и любвеобильной дамы были и Пикассо, и Эренбург, и Сутин, и Модильяни, и Леже, и Дали. И к чему я это вспомнил, тоже не понятно.

Юля была не первым увлечением двадцатисемилетнего художника Сергея Парахина: был у него опыт общения с женщинами. Но, будучи воспитанником детского дома, выросший без отца и без матери, не привыкший и не приученный к домашнему быту, был он равнодушен и к домашнему теплу. А потому и создавать семью по принципу создания домашнего очага он не стремился, а точнее, не торопился, понимая, что это очередная и очень большая ответственность. Только вот мимо Юли пройти он не сумел, притом не как мимо очередной замечательной цели и приманки, а как мимо впервые рационально осознанного объекта, достойного для продолжения рода. И чувство это – желание стать отцом, иметь свое продолжение в виде ребеночка – родилось в нем внезапно и впервые. Причем это чувство возникло у Парахина именно при виде этой девочки, точнее, семнадцатилетней девушки Юли. Наверное, это был первый случай в его практике, когда не он становился объектом женского интереса, а наоборот. По крайней мере, ему так показалось.

Девушка из полноценной советской семьи, Юля приехала в Город из районного центра, где про-

живала с папой и мамой, учиться в консерватории на вокальном отделении. Как это ни странно, но все конкурсы, собеседования и прослушивания она прошла очень уверенно и была зачислена, и даже место в общежитии ей было выделено – она обладала удивительным голосом.

Пусть и не всегда, но очень часто жизненные коллизии поджидают молодых людей, сумевших вырваться из-под родительской опеки, в совершенно удивительной форме и в самом неожиданном месте. Окунувшись во взрослый, суровый и даже жесткий мир, они попадают в различные неприятные, не просчитываемые ситуации, выбираясь из которых им приходится часто ломать собственные устоявшиеся с детства стереотипы, а часто и принципы, уложенные правильно, как кирпичик к кирпичику, в их юных, не обстуканных жизнью головах. Естественно, что независимость от родительского дома и от семейного покровительства ищется в первую очередь, прямо или косвенно, в личной материальной самодостаточности.

Юля была маленькой, худенькой и бледненькой девочкой с толстой тяжелой русой косой почти до пояса. И в фигуре ее, и в манерах, и в походке было что-то подростковое и мальчишеское, и уж совсем не пахло там абсолютно никаким девическим кокетством. Она подошла к Парахину в коридоре художественного училища, где тот вел свой курс, и очень серьезно и даже строго обратилась к нему:

– Вы ведь здесь преподаете? Помогите мне! Я ищу подработку, и мне сказали, что у вас, в художественном училище, я могла бы получать какие-то деньги, работая натурщицей.

Голова у Парахина была занята в тот момент чем-то другим, и, пытаясь переключить свое внимание на девочку, задавшую ему вопрос, он долго тормозил, пытаясь сосредоточиться. Потом еще какое-то время сомневался – а не разыгрывает ли это его кто-то из его учеников? Но через минуту он понял, что тут все без шуток и по-взрослому.

А уже через год Союз художников выделил молодой семье Парахина отдельную двухкомнатную квартиру, где поселилась Юля с сыном Романом и своей приехавшей на помощь из района мамой, тещей Сергея Ивановича. А сам Сергей продолжил существовать в своей огромной, теплой и уютной мастерской: он к такому уже привык. Так что семье не получилось.

Просто Сергей, встречаясь раз в неделю с Юлей, аккуратно отдавал ей конвертик с деньгами. Дружить они дружили, и иногда Юля даже оставалась ночевать у Парахина в мастерской. А к сыну своему

бойничьих разборках и фантастическая интуиция, а часто даже просто фарт, при совершении многомиллионных сделок. С одной стороны, сложно было обществу серьезно относиться к этой прослойке, а с другой – именно они и стали фундаментальной частью будущего общества. Очень быстро они поменяли красные клубные пиджаки и толстые золотые цепи на строгие темно-синие костюмы и галстуки «Бриони» за пятьсот долларов.

Портрет Зеленцова Парахин предложил написать ему сам – уж больно колоритной фигурой был Адольф Николаевич в свои тридцать восемь лет. Познакомились случайно, можно сказать, на улице или даже скорее в лесу.

Парахин вывез своих молодых ребяташек, студентов художественного училища, поработать на пленэре в Зеленый город, популярную зону отдыха недалеко от Города. Собралось шесть человек, ехали на парахинском минивэне; такая машина нужна ему была не для больших компаний, а для перевозки больших габаритных заказов. Полянку выбрали себе нетоптаную симпатичную, с видом на речку Кудьму и на заливные луга, упирающиеся в лес.

Очень крупный мужчина в пляжных босоножках, в бежевых шортах и в белой соломенной панаме подошел к ребятам спустя полчаса – только-только они расположились и начали работать. Он с любопытством и не торопясь обошел поляну, внимательно и молча рассмотрев все мольберты, после чего остановился около Парахина.

- Давайте познакомимся! – сказал он. – Я Адольф Зеленцов.
- Парахин Сергей, – представился Сергей и пожал незнакомцу протянутую руку.
- Вы тот самый Парахин? – удивился незнакомец.
- Да, наверное, тот самый, если вы это имеете в виду, – попытался пошутить Парахин.
- Да, я именно это имею в виду. Просто я думал, что на вашем уровне вы уже только шедевры пишете, а учить детей – это не царское дело.
- Нет, что вы – царскому делу должны учить своих детей цари, а работать живопись должны учить детей живописцы.
- Да, наверное, я с вами соглашусь, – отвечал незнакомец.

С погодой всем в тот день повезло: пусть не раннее, но пока еще утро, июнь, но не жарко, и солнце, и облачка.

- Скажите, Сергей, вы с ребятами на целый день тут расположились?
- Как получится, хотя по прогнозу днем дождик небольшой обещали.

– Я к чему: у меня сегодня день рождения – не юбилей, но тридцать восемь лет. А я вот сбежал из города от друзей и сослуживцев, сказавшись больным, соврал. И знаете, ведь день рождения – необычный день, и хочется каждый раз проводить его необычно. У меня к вам будет небольшая просьба. Вот за той загородкой, – Зеленцов махнул рукой в сторону леса, на кромке которого виднелся высокий глухой забор, – мой участок, и я приглашаю вас всех с ребятами ко мне на обед в гости. Это ненадолго, на часик, поедим шашлычков, а потом вы снова можете работать. Мне будет приятно, честно! Прошу вас. Сейчас десять, в час я вас всех жду. Как, не против?

– Я не против, надо ребят спросить. У нас ведь демократия теперь приветствуется. А вас как по батюшке?

– Николаевич я.

– Друзья, – Парахин уже значительно громче обратился к своим студентам, – нас в час дня приглашают на обед. Ситуация складывается таким образом, что мы не можем отказать: у Адольфа Николаевича сегодня день рождения!

Послышались хоть и хлипкие, но аплодисменты, и кто-то крикнул «ура!».

Зеленцов пожал Парахину руку и, улыбнувшись, вразвалочку направился к себе на участок. Да и трудно представить себе человека, который бы при полутора центнерах веса ходил не вразвалочку. А минут через десять крепкий спортивного вида серьезный молодой мужчина в защитных брюках, тельняшке и зеленой бейсболке вынес в центр поляны две целлофановые упаковки с бутылочками минеральной воды «перье» и пепси-колы. Ребята уже все вместе закричали «ура».

Ровно в час команда молодых художников во главе с Парахиным отправилась в гости на шашлыки. За сплошным металлическим трехметровым забором находился двухэтажный, но не очень большой особняк. Перед ним на старательно выкошенной лужайке стояли в беспорядке с десяток пластиковых стульев и столы с незамысловатыми закусками: хлеб, зелень, несколько бутылок сухого вина да сотейники с разными видами острых приправ и соусов. Чуть в стороне высился сложенный из кирпича специальный огромный мангал, а может, даже правильнее это сооружение назвать печкой, потому что в чреве ее можно было зажарить барана целиком, и даже казан для плова был мудро закреплен сбоку на хитром крючке.

Запах, ни с чем не сравнимый божественный и терпкий запах шашлыков уже расстилался над лу-

жайкой и дразнил ноздри. У мангала орудовал тот самый серьезный военный мужчина, который выносил молодежи воду и пепси-колу.

Обед с шашлыками прошел замечательно. Парахин разрешил своим ребятам выпить с виновником шампанского, он бы сам тоже что-нибудь мог тут употребить, причем покрепче, но был за рулем. Ребята догадались подписать Зеленцову свои только-только написанные этюды, не забыв предупредить его, чтобы он дал им сначала подсохнуть и только после этого отнес в багетную мастерскую.

Прогуливаясь по участку, Парахин обнаружил за домом небольшой, ну совсем небольшой огородик с луком, укропом, петрушкой, салатом и прочими травами, названий которых он даже не знал. И, когда Зеленцов застал его за растиранием листиков какой-то незнакомой ему травы в пальцах и обнюхиванием, он быстро и кратко прокомментировал свой интерес к этому огородику, удовлетворив любопытство художника:

– Почти все можно купить на базаре: и мясо, и курицу, и картошку, и капусту, и все-все-все. Но вот зелень, которую мы используем для стола: укроп, лучок, базилик, петрушка, спаржа, салат и многое другое – она теряет свои первоначальные вкусовые и ароматизирующие качества в течение пятнадцати-двадцати минут после ухода с грядки. Так что я предпочитаю зелень свою – это нехлопотно и радует. Так же, как грядка клубники у меня вот тут небольшая – люблю ягоду прямо с куста иной раз сорвать.

Зеленцов взял Парахина под руку и повел по участку. Его любовно обработанный огородик заканчивался двумя небольшими, метров по шесть, полосами с клубникой. Ягоды были крупными, алыми, словно пластмассовыми, а листья кустов застыли уральским малахитом, покрытые плотным глянцем. Порхали бабочки, гудели шмели – Парахин словно провалился на мгновение в свой, только что его воображением созданный мир, но тут же вынырнул.

– Я хочу, Адольф Николаевич, написать ваш портрет.
– В смысле?
– А в том смысле, что я прошу вас мне попозировать пару-тройку раз.
– Ну, я не против. Только завтра я в Германию и в Швейцарию улетаю, а вот вернусь – и готов!
– Мне надо будет с вами три сеанса поработать и вот тут на травке три-четыре часика посидеть. А может, чуть-чуть и побольше.
– Да господи, договоримся.
Портрет был готов уже в августе.

Во-первых, он был необычной для портретов конфигурации: горизонтальный, метр на полтора, а во-вторых, и это главное: Зеленцов был на портрете изображен босиком. Адольф Николаевич в полотняных слаксах и майке-футболке полулежал, то есть сидел, но облокотившись или даже привалившись как-то очень удобно на локоть между двумя грядками клубники, и перед ним лежала его соломенная панама, наполненная алыми сочными ягодами. Парахин уложил Зеленцова на картине так, что голая пятка его торчала и буквально выпирала из холста, оказавшись в левом нижнем углу. На этой голой пятке и по всей ноге можно было, по крайней мере, хотелось разглядеть не только вены, но и волосики и трещинки. Лицо Зеленцова было задумчивым, он витал где-то в облаках, держа в руке надкусанную крупную ягоду. И при всей мощи его фигуры, которую прямо-таки излучала картина, было что-то детское, наивное и беззаботное во взгляде героя.

Следуя своей первоначальной задумке, Парахин утрировал и даже несколько шаржировал все черты Адольфа Николаевича, укрупняя их, но не так, чтобы это сразу бросалось в глаза зрителю. Красные ягоды, каплями и причудливыми алыми фонариками вылезавшие вдоль грядок, были тоже чересчур крупными и яркими, изумрудные листья – излишне зелеными и блестящими, а домик-особнячок, размещившийся на заднем плане, выглядел нарочито игрушечным и маленьким. Очень хотелось оживить работу: над той натуральной естественной грядкой клубники шумели и летали во множестве пчелы, шмели, бабочки, но переносить их на холст художник не хотел: уж очень казалось это ему или вторичным по отношению к чему-то уже давно написанному, или даже подражательным. А вот живая улитка с маленьким домиком-ракушкой на спине с выпущенными рогами, ползущая по краю голой пятки, – это то, что надо, и получилось! И даже Адольф Николаевич остался доволен.

И не просто доволен: портрет был повешен в главном офисе конторы, где чаще всего у него проходили деловые переговоры с партнерами и контрагентами. Стал портрет с некоторых пор свидетелем многих серьезных действий и даже поступков Зеленцова. А Зеленцов невольно сопоставлял теперь свои действия и слова с характером того мужчины на портрете, лежащего на грядке с клубникой, с которым он сам себя часто сравнивал, но никак не мог отождествить. Характер у того мужчины на портрете был особый, и Адольф Николаевич никак не мог его раскусить.

что все это делается по просьбе Зеленцова, а внутренний голос еще подсказывал, что с таким людьми, как Адольф Николаевич, надо дружить, а уж если и не дружить, то по крайней мере быть очень внимательным к их просьбам, которые и случаются-то, возможно, раз в жизни. Правда, тот же самый внутренний голос говорил ему еще и то, что женский голос, который только что он слышал по телефону, не обычный, а волшебный и даже колдовской. Потому что вот прошло двадцать минут, а он все еще не может понять, как он согласился ехать в далекий Воскресенский район непонятно с кем и зачем.

На другой день все сомнения Парахина по поводу целесообразности предпринятой поездки у него совершенно отпали. Во-первых, и что немаловажно, – мужеподобность и безумные габариты спутницы не отвлекали его, а наоборот – несмотря на разговоры, вдруг позволили сосредоточиться на красотах майской буйной проснувшейся природы. Во-вторых, благодаря такой сумасшедшей яркой весне он неожиданно сам на себя посетовал, с сожалением определив, что нет у него внутренней привычки радоваться особенностям каждого времени года.

Анна Евлампиевна, несмотря на неблагоприятные внешние данные, оказалась собеседницей и образованной, и умной, и благоразумной. За полтора часа поездки она совсем не утомила Парахина своими разговорами, а чем-то даже заинтересовала. Как только он сел в машину и они пожали друг другу руки, помощница олигарха начала объяснять позицию Зеленцова по отношению к Парахину.

– Уважаемый Сергей Иванович, я повторюсь. Мы сейчас едем в Деревню и осматриваем участок и дом, которые передаются в ваше полное распоряжение: можете там жить, можете его продать, можете там школу живописи открыть, и тогда финансировать ее существование на сто процентов согласен Адольф Николаевич. Документы на вас уже все оформлены, и моя задача познакомить вас с объектом и вручить вам свидетельство о собственности.

– А где эта Деревня? – поинтересовался мимолодно Парахин, садясь в машину.

– Тут недалеко – полтора часа по весенней красивой майской дороге. Поболтаем. Вы не против – чуть-чуть поболтать?

– Конечно, не против. Поболтаем.

По городу покружили минут двадцать и вырвались на трассу. Пригородные деревни все утопали в цветущих вишнях, и навалившиеся на ограды пышные кусты сирени не уступали им в наполненности.

А потом вдоль натянутой струны дороги встали еловой стеной знаменитые заволжские леса, перебиваемые кое-где нежными березовыми перелесками.

– Вот возник у меня тут вопрос, и пока что я его для себя не разрешила, – поудобнее развалившись, начала Анна Евлампиевна, – хочется услышать ваше профессиональное мнение, с той стороны баррикад – ведь я-то на этой стороне, на стороне Зеленцова, на стороне мецената. Хотя я и не всегда бываю на стороне меценатства. Да и, конечно, это не баррикады, а скорее рабочий стол. Лично вы – как вы относитесь к требованиям некоторых мастеров искусств увеличивать финансирование отраслей человеческой деятельности, связанных с творчеством? Наверное, все же это не отрасли! В общем, кое у кого есть пожелание помочь в финансовом плане на государственном уровне писателям, поэтам, художникам, композиторам и так далее. Есть ли смысл нашему государству влезать в эту тему? Я очень часто слышу от (даже не знаю, как их назвать) наших господ или товарищей сетования по поводу полной нищеты и даже катастрофического положения в отдельных сферах культуры, в смысле их недофинансирования. Уж очень расстраиваются они по поводу отсутствия у нас в стране спонсоров и меценатов уровня Третьякова, Шуккина или Мамонтова.

– Ой, Анна Евлампиевна, хочется мне таким господам указать, что и Третьяковы, и Савва Морозов, и Шуккин тратили на все эти свои забавы, связанные с коллекционированием живописи и благоустройством театров, пусть и свои денюжки, только заработали-то эти денюжки своим потом и чужой кровью их папаша. Да-да – кровью: душегубами все отцы их были первозрядными. А вот сыночки их, детушки, позаканчивали в Европах университеты, а став богатыми наследниками, уже легко и меценатами стать. Только думаю, что папенька у братцев Третьяковых в гробу переворачивался, когда его детушки эти картинки у нашего брата, нищих художников-алкашей скупали. Так что, я думаю, что у наших новых русских, многие из которых свои состояния тоже на крови в девяностые сделали, детишки сейчас в Лондоне да Праге учатся. А вот когда они выучатся и домой на родину из оксфордов и кембриджей вернутся, а они обязательно вернутся, то, может, и они меценатами для некоторых деятелей искусств будут. То есть два поколения надо ждать.

Все ему нравилось в этом доме, и совесть его не тревожила по поводу несоответствия такого значительного подарка со стороны Зеленцова его личным творческим заслугам. Подумаешь, что для Зеленцова этот подарок: словно крошек хлебных накрошил голубям. С другой стороны, куда торопиться-то: можно и завтра позвонить, а можно и через неделю — никто его не убьет.

краткие распоряжения Семену, но тот и сам уже понял, что с сегодняшнего дня у него появился еще один хозяин.

— Сергей Иванович, — уже на пороге обратилась Анна Евлампиевна к Парахину, — я жду вашего телефонного звонка или сегодня вечером или — край — завтра утром. Поймите правильно: мне надо с этим мероприятием развязаться и заниматься серьезными делами.

— Хорошо, хорошо, я все понял и все сделаю к вашему полному удовольствию. Мне же тоже надо посоветоваться, у меня же тоже есть семья, пусть и не полная, но все же, как-никак, три сына, — отвечал Парахин.

Как только Евлампиевна уехала, Парахин обратился к Семену, своему новому товарищу, наверное, его лучше всего все же называть так.

— Семен, я не знаю, как часто нам с тобой придется общаться, но давай сразу договоримся, что я тебя буду звать по имени и на «ты». И тебе рекомендую тоже меня звать на «ты».

— Ну, это я не знаю, Сергей Иванович, это уж как

получится. Не привык я солидным людям тыкать.

Сидели за столом на первом этаже, на большой широкой застекленной веранде, фонарем или носом какого-то фантастического корабля выступавшей из тела домика, а внизу, как под корабельной рубкой, исполняя роль глади морской, стояли заросли только-только просыпающегося лилейника. Выпили по рюмке. Потом гуляли по дому. Парахин понял, что для того, чтобы войти в курс дела, гулять надо не один день.

На втором этаже, над этой застекленной верандой, был открытый балкон с перилами, которым можно было в летние дни пользоваться: пить чай, или загорать, или писать этюды — ставь мольберт и пиши. Но ведь майские вечера непредсказуемы: бывают и холодные, бывают и теплые. Парахин с Семеном спустились вниз. Там, на застекленной веранде, все было сделано капитально, и можно без проблем жить зимой. Семен затопил камин.

— Сергей Иванович, я камин не для тепла зажег, а для уюта. А вы, если надумали на речку сходить, то в конце нашей английской лужайки есть хорошая добротная лестница — она идет прямо на берег. А можно обойти магазин со школой и выйти к речке мимо пруда. Пруд у нас тоже красивый, летом он весь в кувшинках. Меня ведь Зеленцов не просто так сюда пристроил — эта деревня родная моя. Когда Зеленцов про то узнал, то как ребенок обрадовался: а то — на государственную копеечную пенсию ему меня выкидывать неудобно, а тут вдруг должность для меня придумалась сама собой солидная с заботами и с окладом достойным. А в Деревне у меня тут и две сестры живут, и племянники, и еще полно родни всякой, как и положено.

Река шумела, играла, весенний паводковый поток был бурным, струи обгоняли друг друга, сталкивались, разбрызгивая солнечные отражения в воздух. Но весь этот шум бурлящего потока не мог заглушить весеннее любовное пение птиц, которые надрывались. До пруда, который находился в паре километров от реки, Парахин тоже дошел — кувшинок он не разглядел: то ли уже спрятались на ночь, то ли вообще еще не вылезли, рано еще.

Вечером снова сидели за большим столом в комнате с камином, ели гречневую кашу, запивали молоком. За молоком Семен сходил в Деревню, глиняная кринка посередине стола выглядела очень колоритно.

— А что, Семен, деревня здесь большая? Вот, кроме дачников, сколько здесь человек живет постоянно?

дцать лет на бумажную работу в контору отправили. Значит, кроме вывихнутой ноги еще что-то было? И посерьезнее! Так?

- Так, батя, так! Только хватит об этом! Я не для того к тебе приехал! Лучше – пошли, покажешь мне свои уголья.
- Давай подождем пацанов.

В это время в центр английской лужайки, которую целиком было видно из застекленного фонаря веранды, заполз маленький желтенький «фольксваген». Он встал, двери открылись, но из машины никто не выходил еще пару минут. Но и после того, как водитель и пассажир, два молодых человека почти одного возраста, в майках-футболках и в шортах вышли из машины, они продолжили свою беседу не торопясь и обстоятельно. Это очевидно было потому, что они встали около открытой дверцы, что-то обсуждая и не обращая внимания на приближающегося к ним Семена. Они даже отвернулись от него, когда тот подошел.

А через минуту уже и Роман с Парахиным приветствовали вновь прибывших.

- Ленька, посмотри и подскажи мне – кто этот мощный старик? – продекламировал средний, Володя, разводя для объятия отца свои руки.

Художник обнял своих младших сыновей, а Роман негромко, но очень отчетливо, выбрав момент, произнес:

- Никогда своего папку не называй стариком!
- Почему? – откликнулся Володя.
- Просто так!

Сейчас, когда все три сына стояли рядом с отцом, было видно, какие они разные. Роман – низенький и коренастый, такой крепыш, боровичок, а младшие – оба длинные и худые. Оба они были выше не то что Романа, но и отца своего, только Володя черноволосый, смуглый, что-то восточное было в нем, а Ленька – белобрысая необстроганная жердь.

- Сергей Иванович, – прервал Семен праздник встречи, – извините, прерву и оставляю вас. На сколько дней у вас планы: месяц, две недели, неделя?
- Нет, нет, нет, Семен, только выходные: сегодня суббота, завтра воскресенье, а в понедельник мы дома должны быть. Мы просто сегодня разрабатываем планы на август. И, кстати, Семен, любясь на наши великолепные деревья-памятники, разъясни ребятам да и мне (я тоже не очень хорошо понимаю), почему Венецию поставили на полутора миллионах свай из нашей русской лиственницы. Что у них там, своих лесов было мало? Я был пару раз в Венеции и видел, как из

Средиземного моря по всему ихнему заливу торчат эти сваи из уральской лиственницы: пятьсот лет и никак не сгниют.

- Все понял. Объясню. Чуть позже. А пока я вас оставляю.
- Подожди, Семен. Мы сейчас прогуляемся на речку, на пруд, а вернемся – пообедаем и займемся осмотром дома.
- Понял, через час обед будет готов. А как насчет того, чтобы сегодня на ночь сетки поставить?
- Так сейчас же нельзя – сейчас же нерест у рыбы. Мы потому и планируем нашу серьезную встречу в этом доме на берегу реки на август, когда и рыбалка, и охота, и грибы. А вот ты, Семен, знаешь ли, что в доброе старое царское время во время рыбьего нереста попы запрещали в своих церквях, если храмы у них на берегу реки стояли, в колокола на службу звонить, чтобы у рыбы нервную систему не портить и та могла спокойно отметаться.
- Сергей Иванович, мы же для себя, а не на продажу. И в колокола мы звонить не будем. Я вам не говорил разве, что у меня и в районе здесь все родственники и друзья: и рыбнадзор, и егеря, и охотничья инспекция? А и надо-то нам десяток карасей да десяток окушков на ущицу. А еще хорошо бы и красноперок жирненьких с икрой сотню штук присолить да завялить – повкуснее воблы астраханской будет. Ну, не сетку, а вентеря поставим, их мордами или жаками еще называют. У меня в гараже на стенке несколько штук подвешены – вот их и поставим.

После обеда, уже ближе к вечеру, Семен с Ленькой, взяв резиновую надувную лодку и уже заявленные рыболовные снасти, отправились на машине на заливные озера испытать свою удачу. А Парахин со старшими остался дома: надо было коллегиально обсудить новое приобретение, свалившееся чуть ли не с неба.

8.

Утро образовалось ясное, солнечное, безветренное, совсем летнее.

Рыбаки сгоняли на озера проверить свои сетки, пока старшие братья еще спали. Карасики, лини и окуни, штук тридцать, килограммов десять, хороший, полный полиэтиленовый пакет – было чем похвастаться. После завтрака Роман подбил своих братьев пойти на речку искупаться – батюку своего не стал уговаривать, а тот и не очень-то загорелся. А вот Семен попытался отговорить ребят.

– Не сходите вы с ума, ребята: вода грязная, холодная – это же снег с полей растаявший. И холодная она пока еще: градусов двенадцать, не больше! Вот через месяц будет совсем другое дело.

Но дело молодое – кто тут может что-то советовать. Через час уже мокрые, веселые и довольные, они бегом поднимались по лесенке на участок, радостно декламируя какой-то непонятный рэп. И сколько в них жизнерадостности, энергии, в наших детях. Хотя какие они дети, если вон Роман уже и на войне побывал, и ранение имеет. А для Парахины они все равно дети.

Уха на столе, а хлеба не оказалось ни корки: ну, что для пятерых мужиков с утра буханка хлеба. Ленька первый вскочил из-за стола:

– Я мигом, до ларька и назад, пять минут.

Кнопочный мобильник Nokia Семена запиликал через десять минут. Он взял телефон в руки, поднес к уху и, изменившись в лице, бросился бежать. И побежал он, не кряхтя по-стариковски, а так, как бегают здоровые взрослые мужики – зло и целеустремленно.

– Что-то там случилось, Вова, – обратился к брату Роман, когда Семен уже скрылся, – надо бы сходить, разузнать. Бать, мы мигом!

Они встретили Семена с братом Ленькой на полпути к магазину: те шли как ни в чем не бывало, разговаривая друг с другом, только у Леньки один глаз заплыл свежим и крепким синяком.

– Сейчас домой придем, и я всем и подробно все расскажу, – успокоил старших братьев Семен.

На мобильник Семену двадцать минут назад позвонила Лида, продавщица местного магазинчика, и шепнула ему испуганно, что у паренька вашего проблемы с местными ребятами. Появилась у них в деревне, чего никогда и не бывало в помине, дрянная компания негодяев, которые безобразят и нормальным людям проходу и житья не дают. И верховодит у них некий Валентин, местный мужичок, только что отсидевший срок в тюрьме и недавно вернувшийся.

Когда Семен подбежал к магазину, он увидел, как трое взрослых ребят, а правильнее сказать, что и не ребят, а вполне здоровых взрослых мужиков окружили Леньку. Один из них держал Леньку сзади за руки, а другой шарил у него в карманах джинсов. Третий сидел рядом на корточках, курил и посмеивался.

– А расскажите мне, братцы, что у вас тут происходит? – обратился к собравшимся подбежавший Семен.

– Ты, дядя Семен, проходи мимо, это тебя не касается и ничего тебе тут не обломится, – ответил ему, поднявшись с корточек, третий, сплюнув под ноги, – мы просто попросили у твоего пацана пятьсот рублей на бутылку, а он нам почему-то отказал. Да еще нагло так! Так что ты иди лучше, куда шел.

И по поведению, и по словам Семен понял, что это и есть тот самый отсидевший в тюрьме Валентин, про которого ему говорила когда-то Лида, да только сообразил не сразу – занялся он уже теми двумя, что держали Леньку.

Когда один из хулиганов отмахнулся от Семена, послав его далеко-далеко «по матушке» или его матушку нехорошо помянув, стукнул тот кулаком по лицу наглеца.

Чмокнуло даже. Все услышали, как сочно чмокнуло! И потекла кровь из сломанного носа и из губ, и размазал неосторожно наглец ее по всему своему лицу, и уселся отдохнуть на траву, на то место, где только что Валентин отдыхал.

– Ты зря, дядя Семен, дерешься – можешь и сам огрести, – проговорил стоявший рядом Валентин.

Но Семен не услышал его, он только что увидел руку второго, напавшего на Леньку хулигана, автоматически схватил ее двумя своими и ударил через колено. Рука хрустнула, как дощечка, когда из той щепы для растопки печки готовят. Хулиган заверещал благим матом на всю улицу и тоже уселся рядом с товарищем.

Вся эта битва заняла времени не больше двух минут. Ленька обалдело смотрел на Семена. А Валентин, выковырнув грязным ногтем что-то у себя из зубов и снова смачно сплюнув, проговорил:

– Зря ты так, дядя Семен, коршей моих – авторитет ты мой совсем размазал к едреной матери. Зайду я к тебе сегодня вечером поболтать, жди!

Никто ничего плохого не ждал. Да мало ли в деревнях ссор да драк меж своими бывает, а потом как быльем зарастает. Только зарезал Семена тем вечером Валентин у всех на глазах, еще светло было, зарезал прямо у магазина, где они встретились, чтобы по-мужски поговорить. Ударил своей бандитской финкой с наборной ручкой два раза: в шею и в грудь. Скорую помощь и милицию из района люди сразу же вызвали. Только до районной больницы доехать Семена не сумели – скончался он по дороге от потери крови.

Продавщица Лида прибежала к Парахину поздно ночью, когда и милиция и скорая уже уехали. Вызвала его на крыльцо.

– Вы, Сергей Иванович, человек в городе известный и большой, нам тут про тебя всякого наговорили: и чтобы привечали мы тебя, и чтобы облизывали, и тогда все у нас здорово будет. А вот оно как получилось-то! Совет прямой я тебе дам: уезжайте-ка вы все с утра домой к себе подобрать-поздорову! Да и от греха подальше! Тут у нас свои разборки, и сами мы тут между своими расчитаемся.

Похоронили Семена в его родной деревне. Похоронами занималась Анна Евлампиевна. И бабушку она из города привезла, чтобы отпел по-человечески, и поминки она устроила, и на девятый день всей деревней водку пили, хотя церковь это и не одобряет. Зеленцов на этих мероприятиях не появлялся, а Парахину и тем более делать там было нечего. Анна Евлампиевна все ему по телефону рассказала, и про суд, которого ждут, и про то, что Валентин будет снова сидеть.

Только что-то волнительно после этого звонка Сергею Ивановичу стало. Вроде большую полноценную жизнь прожил, а вот – в конце жизни, и такое трудно перевариваемое умом событие: зарезали на улице ножом знакомого человека. Тревожило что-то. Решил он Зеленцову сам позвонить, благо телефон его личный, секретный, который не для всех, Анна Евлампиевна ему секретным образом передала. Зеленцов откликнулся сразу.

- Адольф Николаевич, это Парахин! Помнишь такого?
- Конечно, Сергей Иванович. Не просто помню, а каждый день помню – я же под твоим портретом, то есть под своим, но твоей работы, почти каждый день сижу, и с ним, а значит, и с тобой советуясь.
- Адольф Николаевич, я к тебе никогда с просьбами не обращался, хотя ты мне и рекомендовал когда-то это делать. Так вот, прошу тебя: не предпринимай ничего нехорошего и противоправного ни к Деревне, в которой Семена похоронили, ни к этому дураку, Валентину, которого на днях судить будут. Хотя я понимаю, что Семен для тебя много значил.
- Это как же понимать? Какой-то негодяй зарезал моего товарища, как барана на улице, а Зеленцов проглотит это и утрется еще? А понятия?
- К черту понятия ваши! Не предпринимай ничего! Прощу!
- А что же люди-то про меня говорить будут после этого?
- А никто ничего не скажет. Нет уже на свете людей, которые смогут что-то вякнуть про Зеленцова.

- Не знаю! А если есть еще такие люди?
- А я знаю! Нет таких! Забудь – прошу!
- Хорошо!

9.

Уже сколько лет прошло с тех пор. Если сейчас с трассы мимо глиняной горы свернуть налево и въехать через подъемчик в Деревню на Центральную улицу, то справа останется небольшое кирпичное здание, тот самый магазин, в котором когда-то работала Лида; только теперь он не работает – работает другой, дальше по той же улице. За этой пустующей кирпичной будкой, уже за зданием школы, идет узенькая заасфальтированная дорожка, перекрытая непонятно кем и непонятно зачем солидным шлагбаумом на всячем замке. Никто его никогда не поднимает и не пользуется им, но почему-то и не ломают.

Дорожка эта ведет на тот самый участок, который с некоторых пор вновь стал бесхозным или ничейным, а точнее, не поймешь чьим! Пятьдесят метров, и вот он – главный дом усадьбы, стоит с заколоченными крест-накрест окнами. Крыльцо густо заросло крапивой, полынью и еще каким-то бурьяном. А вот к домику охранника тропинка протоптана. И около лестницы, ведущей вниз, к реке, заметно свежее кострище – кто-то постоянно тут костерок жжет, и ступеньки лестницы под это дело использует: уже половину сожгли.

Да, еще, что любопытно: в вершинках тех самых замечательных и легендарных лиственниц появились вороньи гнезда, штук пятнадцать. Раньше их не было.

3.04.2022

